

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС ЧЕРНОГОРЦЕВ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ ЭТНОСА

В.Б. Хлебникова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, istfilos@gmail.com*

Аннотация. В российской славистике XIX–XX вв. важное место занимало Черногорское княжество. Борьба с Османской империей за независимость наложила глубокий след на историю и художественное наследие черногорцев. Небольшой народ, входивший в феодальную эпоху в состав Сербской державы, в Новое время вел бесконечные войны против завоевателей, считавших запад Балканского полуострова владением турецкого султана. Ведя эти войны, черногорские племена были обречены на бедность, голод, социальную и культурную отсталость. Черногория не имела возможности в течение долгого времени поддерживать активные связи с другими европейскими странами, оставалась в стороне от научно-технических достижений и от прогресса в гуманитарной сфере. Продолжавшаяся несколько веков культурная изоляция черногорцев способствовала сохранению в их среде традиционного племенного уклада, мифологического сознания, устного народного творчества. Однако такое архаическое состояние общества не означало, что страна не развивалась. Идеалы Просвещения почти не были знакомы черногорцам, но в их среде сформировалась собственная шкала ценностей, в которой нашли отражение такие важные понятия, как свобода, честь, доблесть, верность воинскому долгу и т.п. Для черногорцев они имели свой собственный смысл, существенно отличавшийся от того, что было принято понимать под этими словами в других европейских странах. Механизм передачи этих ценностей тоже отличался от тех способов, которые давно вошли в европейскую жизнь. Черногорские юноши и девушки росли под звук черногорских гуслей и монотонное пение исполнителей народных песен, впитывая воинственный дух этих песен, жестокие подробности боев и восхищаясь героями, имена которых передавались из уст в уста от поколения к поколению.

Ключевые слова: славистика; Черногорское княжество; этнокультурные ценности; героический эпос; П.А. Ровинский; племенной уклад и традиции; военное искусство

Для цитирования: Хлебникова В.Б. Героический эпос черногорцев как инструмент формирования и сохранения системы ценностей этноса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 1. С. 182–191.

THE HEROIC EPOS OF THE MONTENEGRINS AS A TOOL FOR THE FORMATION AND PRESERVATION OF THE ETHNOS VALUE SYSTEM

Varvara B. Khlebnikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, istfilos@gmail.com

Abstract. In Russian Slavic studies of the XIX–XX centuries an important role was played by the Montenegrin principality. The struggle for independence against the Ottoman Empire left a deep mark on the history and artistic heritage of the Montenegrins. In the feudal era it was a small nation inside the Serbian state, but in modern period they waged endless wars against the conquerors, who considered the west of the Balkan Peninsula the possession of the Turkish sultan. Because of these wars, the Montenegrin tribes were doomed to poverty, hunger, social and cultural backwardness. For a long time Montenegro did not have the opportunity to maintain active ties with other European countries, remained aloof from scientific and technological achievements and from progress in the humanitarian sphere. As the result of the cultural isolation of the Montenegrins, which lasted for several centuries, the traditional tribal way of life, mythological consciousness, and the folklore were preserved. However, such an archaic state of society did not mean that the country did not develop. The ideas of the Age of Enlightenment were almost unknown to the Montenegrins, but their own scale of values was formed in their environment, based on important concepts such as freedom, honor, valor, loyalty, military duty, etc. They had their own meaning for the Montenegrins, significantly different from common meaning of these words in other European countries. The mechanism for the transmission of these values was also unique. Montenegrin youths grew up to the sound of Montenegrin gusle and the monotonous singing of folk song performers, absorbing the warlike spirit of these songs, the brutal details of the battles and admiring the heroes, whose names were passed from mouth to mouth from generation to generation.

Key words: Slavic studies; Montenegrin principality; ethnocultural values; heroic epos; P.A. Rovinsky; tribal way of life and traditions; military art

For citation: Khlebnikova V.B. (2022) The Heroic Epos of the Montenegrins as a Tool for the Formation and Preservation of the Ethnos Value System. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 182–191. (In Russ.)

То је било или није било;
А нама се мир и здравље вило,
Мир и здравље и помоћ од Бога.
Домаћине, дај нам чашу вина,
Да наздравим старим јунацима,
Слатка ће ми бити, као свима [Ровинский П.А., 1905: 289].
Бывало это или не бывало,
Только пусть пребудут с нами вечно

Мир, здоровье и поддержка Бога.
Дай, хозяин, сладкого вина мне,
Чтобы смог я выпить за здоровье
Стародавних юнаков-героев¹.

Черногория, несмотря на то, что это одна из самых маленьких стран Европы, занимала большое место в русской славистике на протяжении XIX–XX вв. Благодаря такому вниманию российская наука располагает значительными и разнообразными данными об истории этого региона. Черногорский народ, формально оказавшийся под властью Османской империи и не признававший этой власти, был вынужден выживать в условиях крайней бедности и постоянной войны. Такая трагическая судьба и военизированный образ жизни сформировали у черногорцев удивительную систему ценностей и особые механизмы ее сохранения и передачи следующим поколениям. Когда Европа уже в полной мере освоила аксиологический набор Просвещения [Шевлякова, 2018], Черногория все еще жила в замкнутом культурном пространстве, где господствовали патриархальные нравы и мифологические представления. Героический эпос черногорцев оставался хранилищем традиционных ценностей, воспитывал воинов, готовых умереть за свою свободу, но не научившихся овладевать достижениями индустриального общества. Фольклор, который повествовал не только о племенном укладе черногорцев, но и о жизни Сербии, Косово, Боснии и Герцеговины, стал объектом самого внимательного изучения в XIX в. История исследования устного народного творчества южных славян хорошо известна. По достоинству оценены заслуги В. Караджича [Српске народне пјесме, 1891], И.С. Ястребова [Ястребов, 1889], П.А. Ровинского [Ровинский, 1884] и многих других собирателей народных песен, благодаря которым сохранилось и стало бесценным историческим источником литературное наследие народов Балканского полуострова. Российские и югославянские историки часто обращались к народному эпосу в поисках ответа на вопрос об уникальности черногорского истории [Путилов, 1982; Меденица, 1975].

Так как черногорцы и по образу жизни, и по уровню образования, и по многим другим параметрам заметно отличались от других южных славян, то их эпос, имея много общего с песнями и преданиями родственных народов, в то же время сохранял в себе исключительно черногорские черты. В нем как будто смещены акценты в основном в сторону войны. Главные персонажи народных песен – юнаки (буквально герои), которые в любую минуту готовы стол-

¹ Здесь и далее перевод с сербского языка сделан автором статьи. (Прим. автора. – В.Х.)

кнуться с боевой ситуацией. Это может быть нападение турок или соседей-албанцев, вызов на личный поединок, в котором один из участников должен погибнуть. Также юнак часто оказывается мстителем, который обязан поквитаться с врагами по обычаю кровной мести. И еще чаще он идет в чету (буквально отряд, партизанский отряд). Черногорские четы в эпоху борьбы с турецкими завоевателями представляли собой нечто среднее между партизанским отрядом и сплоченной группой народных мстителей. Четники – взрослые мужчины и молодые парни, обычно пастухи, вынужденные оставить мирные занятия и взяться за оружие в силу разных обстоятельств. Например, турки увели в плен юную красавицу, ее необходимо вернуть. Или албанцы угнали стадо овец, принадлежавшее черногорцам, а пастухов перебили. Юнаки отвечают тем же, нападая на албанцев и отнимая их скот. И, наконец, распространен особый сюжет песен, в них рассказывается о походах за добычей, за скотом, оружием, порохом, продовольствием. Такие походы превратились в разновидность хозяйственной деятельности, целью которой было спасение от голодной смерти своего племени, пострадавшего от войны или неурожая.

В данной работе был использован сборник песен, составленный знаменитым русским славистом Павлом Аполлоновичем Ровинским (1831–1916). Тексты песен были опубликованы в его многотомной монографии «Черногория в ее прошлом и настоящем» (СПб., 1888–1915). Ценность сборника состоит в том, что ученый включил в свою книгу только те песни или их местные варианты, которые еще не были опубликованы его предшественниками. Значительную часть материала составили песни, собранные в пограничном племени Васоевичей. Оно дольше других находилось в тесном контакте с турецким населением и, по мнению П.А. Ровинского, отличалось особой боевитостью среди воинственных черногорцев. Интересно, что славист не ограничил свое собрание только героическими песнями, он включил в сборник и лирику, и бытовые песни, и даже колыбельные. Во всех этих разных по содержанию произведениях ярко высвечиваются, буквально бросаются в глаза ценности и предпочтения черногорского народа, сформировавшиеся за время многовекового противостояния Османской империи. Также хорошо видны следы культурного влияния и взаимодействия православного и мусульманского миров. Именно смешение разных культур превратило фольклорное достояние черногорцев в особенную часть художественного наследия южных славян, зафиксировав региональные особенности их истории.

Аксиологические исследования ведутся главным образом философами, но, когда речь заходит об отличительных свойствах цен-

ностного набора того или иного народа, на помощь философии приходит этнопсихология. В целом представители разных наук сходятся в том, что этнокультурные ценности – это сложное комплексное понятие, неразрывно связанное с историей, социологией, культурологией, этнологией и другими социальными и гуманитарными дисциплинами. Из-за этого споры о содержании самого понятия «ценности» ведутся уже давно и будут продолжаться еще очень долго [Карапетьянц, Даулет, 2019]. В случае, когда речь идет о традиционной культуре, стоит взять за основу предложенное психологом А.А. Крыловым определение: «Этнокультурные ценности – это установки (идеи, понятия, смыслы), которые не зависят от конкретного человека, а определяются культурой и разделяются всеми людьми, принадлежащими к данному культурному полю» [Крылов, 2005: 115]. При этом упор необходимо сделать на механизмы сохранения и передачи ценностей народом, которому были недоступны или труднодоступны технические достижения своего времени. Набор средств, с помощью которых черногорцы смогли передавать новым поколениям свой обобщенный социальный опыт, был весьма ограничен. Устное народное творчество стало своеобразным замещающим механизмом, компенсировавшим неразвитость издательского дела.

Изучив содержание черногорских песен, современный исследователь сразу заметит, что такие важные для европейцев в Новое время ценности, как неприкосновенная частная собственность, творческая свобода и успешная интеллектуальная деятельность, позволяющая достигнуть самореализации, автономность личности по отношению к обществу и государству, практически отсутствуют в черногорском фольклоре. Напротив, личность одного человека совершенно растворилась в племенном сообществе, понятия о чести и достоинстве, о добром имени неразрывно связаны с родом и племенем. Поэтому в народном языке важное место занимали слова “коговић” и “никоговић”. Первое, по словам П.А. Ровинского, применялось к тому, у кого «по крайней мере, отец или дед известны доблестями и делами храбрости, или были главарями или священниками». Второе слово имело противоположный смысл. Оно характеризовало человека, «у которого в роду нет никого, кто бы пользовался известностью» [Ровинский, 1897: 192]. В современном сербском языке “никоговић” означает ничтожного, жалкого человека. Коллективная патриархальная культура черногорцев, неразрывно связанная с историей войн, считала мерилom ценности человеческой личности принадлежность к определенному роду и племени. На первом месте стояло происхождение из славного боевого рода, известного военными подвигами. Но это не означает,

что слава предков была гарантией успеха. Ее следовало приумножать и доказывать, что юнак ее достоин. Героические песни особо прославляли тех, кто превзошел своими боевыми доблестями отцов и дедов. Храбрость оставалась одной из самых важных ценностей черногорцев в XIX – начале XX в. Ее понимали как готовность в любую минуту вступить в схватку с врагом, уничтожить неприятеля без пощады, хорошо бы отрубить ему в бою голову и предъявить всем этот боевой трофей. Если же черногорцу суждено было погибнуть, то в песне обязательно говорилось о том, сколько противников он отправил на тот свет, отомстив за свою смерть (“Ту нам петнајс` глава посјекоше”, “И ми њима убисмо стотину”). В переводе это звучит так: «Тут пятнадцать наших изрубили», «И мы сотню их убили» [Ровинский, 1905: 424].

Целью непримиримой борьбы была свобода от угнетателей, жадных не только до чужого добра. В песнях подчеркивалось, что турки не просто стремились обложить данью черногорские племена, а старались унижить, задеть личное достоинство, оскорбить честь целого этноса и его лучших людей. В связи с этим в эпосе ситуация угрозы народной свободе описана более-менее одинаково, неважно, шла ли речь о давно минувших событиях или о том, что произошло недавно. Турецкие паши или чиновники более мелкого ранга выступали инициаторами многочисленных походов на Черногорию. Они требовали выдать дань, а заодно самых красивых женщин, предпочтительно из семей племенных вождей или старейшин, на худой конец, жен и дочерей священников. Таким образом, чужеземцы облекали свои притязания на Черногорию в самые оскорбительные, даже унижительные для патриархального сообщества формы. Ответ на подобные действия всегда был один: “Сви смо ради часно погинути, но турчину раја постанути; раја турска никад били нисмо” («Все мы скорее погибнем, чем станет подданными турок; мы никогда не были турецкими рабами») [Ровинский, 1905: 322]. Достоинство каждого человека и целого народа в черногорском эпосе неразрывно связано с независимостью от чужой власти, стремлением сохранить свой самобытный образ жизни. Свобода для черногорца – это не право принимать решение и нести за него ответственность, как у просвещенной Европы. Это ценность совсем другого порядка. Свобода – это родина, честь и семья, их нужно постоянно защищать от вражеских посягательств. Спасти эти ценности от поругания можно было только всем миром путем беспощадной войны, в которой смерть предпочитается поражению. В таком контексте жестокие методы ведения военных действий, внезапные нападения, захват трофеев и отсечение вражеских голов не казались чем-то чрезмерным и экзотическим.

Рядом с народной свободой стояла православная вера, во имя которой веками проливалась кровь. Борьба за христианскую церковь была оправданием бескомпромиссной войны. Нельзя сказать, что в повседневной жизни черногорцы были чрезмерно набожны и неукоснительно соблюдали церковные правила. Но в постоянных конфликтах с соседями-мусульманами, независимо от повода, по которому начиналось противостояние, песня упоминает религиозный мотив и подчеркивает, что защита христианской веры и церкви обязательно является стимулом к героическому поведению и готовности принять смерть. Православные люди в песнях наделялись самыми привлекательными чертами. Они всегда были верны слову, не бросали в бою товарищей, при любых обстоятельствах вступались за слабых и обиженных, обязательно мстили за гибель друзей. Фольклорные герои не прощали потурченцев, изменивших вере своих предков, но могли быть милосердными к побежденным туркам. Авторы песен как будто не замечали того очевидного факта, что кровавые схватки и расправы над турками противоречили основной заповеди христианства – отказу от убийства. Правило «око за око» было ближе черногорским племенам, чем заповеди любви к ближнему и всепрощения. Черногорцу не казалось богопротивным такое завершение боя, как выставление напоказ изувеченных трупов. Сами турки изображались в песнях людьми малопривлекательными, жадными до чужого добра и женщин, лживыми и способными на любое коварство. Например, турецкий паша приказывает закопать юнака по пояс в землю и заставляет слуг стрелять в пленника из лука [Ровинский, 1905: 206]. Ни при каких обстоятельствах черногорец не должен был доверяться иноверцу. Эпическая борьба с коварными врагами практически всегда окрашена в религиозные тона.

Правда, жизнь была сложнее катехизиса, поэтому народная песня часто рассказывает об обычае побратимства и посестримства, когда юнак вступал в особые отношения с мусульманами. Приносились взаимные клятвы, и чужие по крови и вере люди объявляли себя братьями и сестрами. В таком случае любые тяжкие испытания, описанные в песнях, плен, пытки, грозившая казнь, завершались тем, что побратим спасал новоиспеченного брата, несмотря на смертельную опасность. Особенно высоко оценивалось в таких случаях поведение турецких или албанских девушек, спасавших черногорцев, попавших в беду. Таким образом, принадлежность к разным вероисповеданиям не отменяла таких общечеловеческих ценностей, как верность клятве, преданность и самоотверженность. Другие добродетели, воспетые народными песнями, носили более общий характер и были почитаемы у лю-

бого патриархального народа. Гостеприимство, помощь и защита слабых, семейные устои и многое, что считалось неоспоримыми ценностями черногорцев, мы найдем и у других горных народов и не только на Балканах.

Осталось сказать о том, что исполнение песен было не только формой досуга, но и самым популярным способом воспитания подрастающих поколений. П.А. Ровинский утверждал, что на рубеже XIX–XX вв. в княжестве не было ни одного сельского дома без гуслей, и не было черногорца, который, хоть и плохо, не умел бы петь «уз гусле» (под гусли). Праздники и домашние посиделки не обходились без исполнения песен в сопровождении народного музыкального инструмента, звучание которого покажется представителям другой культуры довольно унылым и даже грубым. Под гусли было положено исполнять только героические песни, и делали это только мужчины, женщины, как заметил славист, «никогда не прикасаются к гуслиам». Исключением стала некая Яглика Мушкобана, которая одевалась в мужское платье, носила оружие, была членом четы и «потому могла петь с гуслиами» [Ровинский, 1905: 10]. П.А. Ровинский так описал отношение слушателей к исполнителю: «Если певец искусный и песня его интересна, то водворяется полная тишина... Особенно дети, мальчики слухом и зрением и всем своим существом впиваются в гуслияра, ловя каждое его слово, каждый стон и движение и как бы отпечатывая все в своей голове и сердце» [Ровинский, 1897: 739]. Внимание мальчиков к исполнению героических песен под гусли подчеркнуто не случайно. Это была такая же составная часть гендерного воспитания, как обучение искусству владеть оружием. На примерах героических подвигов далеких предков, живших во времена Скендербега, и недавно ушедших поколений, сумевших победить Османскую империю в 1877–1878 гг., росли черногорские юноши. Из песен они узнавали о том, как следует вести себя в бою, как относиться к неприятелю, каким способом доказать свою мужественность и бесстрашие. В XIX – начале XX в. черногорец во всем старался подражать героям народного эпоса. И женский пол измерял личные качества и привлекательность мужчин, отталкиваясь от ценностей и идеалов, воспетых в длинных, заунывных для чужаков и таких дорогих для жителей Черногории народных песен. Стать героем эпического повествования означало увековечить свое имя и свой род в истории, для черногорцев не было ничего выше этой награды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Karapet'yan A.M., Daulet F.N.* Вербализация аксиологического концепта «судьба» в китайской языковой картине мира // Вестн. Моск. ун-та. Серия 13. Востоковедение. 2019. № 4. С. 74–91.
2. *Крылов А.А.* Психология. М., 2005.
3. *Меденица Р.* Наша народна епика и њени творци. Црногорско-херцеговачка планинска област постojбина патриархалне културе и епске песме динараца. Цетиње-Београд, 1975.
4. *Путилов Б.Н.* Героический эпос черногорцев. Л., 1982.
5. *Ровински П.* Пјесме из Васојевића // Црногорка. 1884. № 6-22.
6. *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1897. Т. II. Ч. 1.
7. *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1905. Т. II. Ч. 3.
8. Српске народне пјесме, скупио их и на свјет издао Вук Стефановић Караџић. Биоград, 1891.
9. *Шевлякова Д.А.* Аксиологическая динамика концепции “patria” в итальянской литературе XX в. От “родины” к “малой родине” // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 86–96.
10. *Ястребов И.С.* Обычай и песни турецких сербов. СПб., 1889.

REFERENCES

1. Karapet'yan A.M., Daulet F.N. 2019. Verbalizatsiya aksiologicheskogo kontsepta “sud’ba” v kitayskoy yazykovoy kartine mira [Verbalization of the axiological concept “fate” in the Chinese language picture of the world]. *Moscow State University Bulletin. Series 13. Oriental studies*, no. 4, pp. 74–91. (In Russ.)
2. Krylov A.A. 2005. *Psihologiya* [Psychology]. Moscow. (In Russ.)
3. Medenica R. 1975. *Naša narodna epika i njeni tvorci. Crnogorsko-hercegovačka planinska oblast postojbina patriarhalne kulture i epske pesme dinaraca* [Our folk epic and its creators. The Montenegrin-Herzegovinian mountain area is home to patriarchal culture and epic dinar songs]. Cetinje-Beograd. (In Serbian)
4. Putilov B.N. 1982. *Geroicheskiy epos chernogorcev* [The heroic epic of the Montenegrins]. Leningrad. (In Russ.)
5. Rovinski P. 1884. Pjesme iz Vasojevića [Songs from Vasojevic]. *Crnogorka*, no. 6-22. (In Serbian) 1884.
6. Rovinskij P.A. 1897. *Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem* [Montenegro in its past and present]. Saint Petersburg, Vol. 2, ch. 1. (In Russ.)
7. Rovinskij P.A. 1905. *Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem* [Montenegro in its past and present]. Saint Petersburg, Vol. 2, ch. 3. (In Russ.)
8. *Srpske narodne pjesme, skupio ih i na svjet izdao Vuk Stefanović Karadžić* [Serbian folk songs, collected and published by Vuk Stefanović Karadžić]. Biograd, 1891. (In Serbian)
9. Shevlyakova D.A. 2018. Aksiologicheskaya dinamika kontseptsii “patria” v ital’yanskoy literature XX v. Ot “rodiny” k “maloy rodine” [Axiological dynamics of the “patria” concept in 20th century Italian literature. From “homeland” to “small homeland”]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 86–96. (In Russ.)
10. Yastrebov I.S. 1889. *Obychai i pesni tureckih serbov* [Customs and songs of Turkish Serbs]. Saint Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2021; одобрена после рецензирования
16.07.2021; принята к публикации 27.09.2021

The article was submitted 14.06.2021; approved after reviewing 16.07.2021;
accepted for publication 27.09.2021

Об авторе

Хлебникова Варвара Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова, istfilos@gmail.com

About the author

Varvara B. Khlebnikova – PhD in History, Associate Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, istfilos@gmail.com